
Б. С. КАГАНОВИЧ

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ О Н. Я. МАРРЕ

В архиве выдающегося медиевиста и византиниста Елены Чеславовны Скржинской (1894—1981), находящемся в С.-Петербургском Институте истории РАН, наряду с многими другими ценными материалами¹ хранится неопубликованная рецензия на книгу В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 450 с.).² Рецензия эта, как явствует из приложенного к ней письма редакции, была написана Е. Ч. Скржинской в начале 1949 г. и предназначалась для «Вестника АН СССР», но напечатана не была. Между тем, как нам кажется, рецензия эта представляет интерес в ряде отношений и заслуживает введения в научный оборот.

Само соединение этих двух имен на первый взгляд может показаться странным. Е. Ч. Скржинская была убежденным и законченным представителем науки классического типа, строгим и точным источником, наделенным замечательным историческим чутьем и ярким видением прошлого.³ Она чтит научную традицию — что не исключало, конечно, самостоятельности мысли — и была очень далека от революционных переворотов в науке, каковыми программно должны были стать «яфетическая теория» и «новое учение о языке» Марра, в которых, по мнению современных лингвистов, некоторые гениальные прозрения сочетались с фантастическими домыслами. Вместе с тем, как свидетельствует рецензия на книгу В. А. Миханковой, Е. Ч. Скржинская глубоко уважала Марра как ученого и восхищалась им как человеком (таковым было отношение к Марру и ряда других крупных

¹ См.: *Васильев А. Н., Климанов Л. Г.* Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 458—521.

² Архив СПбИИ РАН, Зап.-европ. секция, ф. 14, оп. 1, д. 201, 20 л.

³ См.: *Мажуга В. И.* Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской) // ВИД. Л., 1987. Т. 12. С. 1—24.

ученых, его современников, в частности китаиста академика В. М. Алексеева).⁴

Е. Ч. Скржинская хорошо знала Н. Я. Марра. В 1919—1930 гг. она работала в созданной и возглавлявшейся Марром Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), сформировалась там как ученый и начала свои исследования по генуэзскому Крыму, принесшие ей известность в ученом мире Европы. В августе 1930 г. вместе с рядом других сотрудников Е. Ч. Скржинская была уволена из ГАИМК в ходе так называемой чистки кадров за «идеалистическое мировоззрение». По-видимому, она не винила в этом Марра, который к этому времени в значительной мере уже не был хозяином в руководимых им учреждениях (приказ об увольнении подписал заместитель председателя ГАИМК С. Н. Быковский, один из партийных комиссаров при Марре и пропагандистов-вульгаризаторов его «учения»).⁵ В 1934 г. Елену Чеславовну, как сообщает ее дочь М. В. Скржинская, не пустили в Мраморный дворец, где проходила гражданская панихида по Марру.⁶ В 1943—1953 гг. Е. Ч. Скржинская вновь была старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, как с 1937 г. стала именоваться ГАИМК.

Все это необходимо иметь в виду, читая рецензию Е. Ч. Скржинской на книгу о Марре. Следует сказать также несколько слов об этой книге и ее авторе. Вера Андреевна Миханкова (1892—1952) в течение многих лет была секретарем Н. Я. Марра в ГАИМК, а после его смерти заведовала Кабинетом Н. Я. Марра в Академии (позднее Институте) истории материальной культуры, в котором были сосредоточены все его рукописи. В. А. Миханкова разобрала и описала огромный архив Марра (в конце 1950 г. он был передан в Ленинградское отделение Архива Академии наук, где находится поныне) и написала его биографию, вышедшую тремя изданиями, каждое из которых имеет свои особенности.⁷ Книга эта, основанная на архивных материалах, хотя и содержит немало лакун и умолчаний (автор не мог в то время коснуться многих сторон как дореволюционной, так и советской деятельности Марра и его окружения) и выдержана в апологетическом духе, до сих пор остается в целом ряде отношений не замененной. Отметим, что В. А. Миханкова, человек старой петербургской интеллигентской культуры, очень тактично трактовала многие трудные вопросы: излагая противоречивые научные концепции Марра, она старалась как можно чаще представлять слово ему самому, приводя обильные цитаты как из его опубликованных работ, так и из рукописей. Книга Миханковой написана хорошим академиче-

⁴ См.: Алексеев В. М. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3—4. С. 62—69 (перездано в кн.: Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982).

⁵ Ср.: Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 89—91.

⁶ Васильев А. Н., Климанов Л. Г. Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды... С. 464 (со ссылкой на неопубликованную статью М. В. Скржинской).

⁷ Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1935; 2-е изд. М.; Л., 1948; 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1949.

ским русским языком: строгим, благородным и, может быть, на теперешний взгляд несколько старомодным.

В последние полтора-два десятилетия в России возобновилось обсуждение «феномена Марра», причем в появившихся журналистских статьях решительно преобладают негативные оценки. Дебагируется, например, вопрос, был ли Марр «шарлатаном» или «шаманом» и т. п. Стоявшая у истоков этой дискуссии книга В. М. Алпатов⁸ — серьезная работа, привлекающая большой массив литературы. Но — помимо того, что автор ее совсем не обращался к архивам — она пронизана духом неприязни (чтобы не сказать: ненависти) к Марру, грешит психологическим недопониманием и в итоге содержит ряд передежек. Создание настоящей научной биографии Н. Я. Марра, ставшее возможным лишь в недавнее время, — задача очень важная, но и чрезвычайно трудная. Считаю поэтому небесполезным познакомить заинтересованного читателя с подходом к Марру такого ученого, как Е. Ч. Скржинская. Приводим далее рецензию Е. Ч. Скржинской *in extenso* с некоторыми сокращениями и показавшимися нам необходимыми комментариями. В тексте в скобках указываются листы названного выше (примеч. 2) архивного дела.

«Среди множества тем, которые определяются как актуальные и первоочередные для научной литературы нашего времени, стоит, несомненно, и тема об академике Николае Яковлевиче Марре — исключительном ученом и одном из лучших представителей советской общест-венности. Однако, хотя уже протекло 15 лет со дня его смерти (Н. Я. Марр умер 15 декабря 1934 г.), нельзя сказать, чтобы работы, посвященные Марру, были обильны. Страницы воспоминаний — правда, очень ярко фиксирующие пока еще такой живой и памятный образ — также немногочисленны. Поэтому в высшей степени и ценно, и важно — как для большинства советской интеллигенции, так и для советского студенчества — появление на исходе прошедшего года книги о жизни и деятельности Н. Я. Марра, притом книги, написанной автором, который был связан с работой Н. Я. в течение ряда последних лет его жизни», — этими словами начинается рецензия Е. Ч. Скржинской (Л. 3—4).

Представив и одобрив структуру книги В. А. Миханковой, в которой биографические главы чередовались с историко-научными, Е. Ч. Скржинская замечает: «Стержнем книги В. А. Миханковой является живой образ Н. Я. Марра. Несмотря на то что автор имел все данные, чтобы сделать свою книгу и пространнее, и полнее сведениями, ссылками, фотографиями, образ этот удался: он возникает, по мере чтения оживает, растет и крепнет, становится для читателя понятным, импонирующим и — к концу книги — близким. Еще убедительнее встает этот образ для людей, лично знавших и ясно помнящих Марра, и в этом — признак тщательности работы и редкой правдивости рисунка автора. Действительно, облик Н. Я. вылепился из материала самого доброкачественно-

⁸ См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

го, а именно — из почти нетронутого, стоящего еще близко современности, наследия Н. Я. В книге с большим мастерством подобраны марровские высказывания, которые намечают и очерчивают эту замечательную фигуру. Однако множество цитат отнюдь не перегружают изложение: наоборот — они его украшают и оживляют, так как через них говорит нам сам Н. Я. Марр. Это и создает прочное впечатление подлинности и свидетельствует о тонкой и бережной обработке текста книги. Редко бывает, чтобы то, что упрощенно называют „монтажом“, т. е. конструкцией наново из имеющегося в иных сочетаниях материала, было сделано столь красиво и, так сказать, незаметно. Чувство убежденности, что книга рисует подлинного Марра, важно во многих отношениях. Прежде всего потому, что образ его уже начинает изменяться, как все, удаляющееся во времени. Претерпевает он изменения как через устное предание, так и через изобразительное искусство (чему служит примером сильно изменяющая облик Н. Я. Марра статуя в рост, установленная в коридоре Ленинградского университета). Книга В. А. Миханковой препятствует в значительной мере этому нарастающему искажению; она твердо и многосторонне фиксирует образ выдающегося человека, пользуясь неоспоримыми и неопровержимыми средствами — с одной стороны, богатым архивом, сохраняющимся в специальном „Кабинете Н. Я. Марра“ в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР, с другой — выдержками из разнообразнейших трудов самого Н. Я.» (Л. 6—7). «Собственными воспоминаниями и впечатлениями автор делится крайне скупое», — отмечает Е. Ч. Скржинская (Л. 7).

Далее Е. Ч. Скржинская пытается формулировать, в чем заключается «поучительность» жизни Марра, и выделяет такие его черты, как «громкая требовательность к себе, к объему своих знаний и наряду с этим строгая ответственность за глубину и обоснованность научной работы» (Л. 8), «необыкновенное трудолюбие», «усидчивость, упорство, обстоятельность» (Л. 9), «полная независимость мышления и мнений, непреклонность при их отстаивании и убеждение, что общепринятое не всегда предрешает правильность научного решения» (Л. 10—11). Заметим, что все эти черты близки и присущи самому автору рецензии, в то время как «обоснованность выводов» едва ли следует приписывать Марру. «Раскопки в Ани и проникновение в живую древность языков и быта кавказских народов, создание Академии истории материальной культуры с ее новыми исследовательскими задачами, занятия баскским и бретонским языками на крайнем западе Европы и изучение на крайнем ее востоке языков чувашского, удмуртского, мордовского и марийского, чтение лекций в Париже и в Баку, речи на годовых собраниях ГАИМК и Академии наук — все в целеустремленной личности Н. Я. было направлено к одному — к пониманию происхождения языка (как «мощного рычага культурного подъема») как ценности, сотворенной в процессе труда в определенных общественных условиях, ценности, имеющей корни свои в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве, технике», — пишет Е. Ч. Скржинская (Л. 13).

Она отмечает как достоинство книги Миханковой и то, что ее главы «весьма четкими чертами отразили и последовательное развитие его научной мысли — его яфетическую теорию и его новое учение о языке» (Л. 15). Хотя некоторые обороты Е. Ч. Скржинской создают впечатление, что она положительно оценивает теории Марра, принятие это выражено в самой общей декларативной форме, без каких-либо конкретизаций. Не будучи лингвистом, она, естественно, не решалась высказываться по каким-то конкретным пунктам построений Марра.

«Кратко об этой книге можно сказать, что она строга и интересна от начала и до конца. Кроме того, она — и в этом нет сомнения — имеет перед собой перспективу долгой и плодотворной жизни как произведение достаточно полное, исторически достоверное, научно содержательное и, безусловно, хорошо сделанное. Если в ближайшие десятилетия или даже годы не будет написано другого сочинения о Марре, то книга В. А. Миханковой останется основным трудом современника о замечательном ученом», — заключает рецензент (Л. 17).

В самом конце своей рецензии Е. Ч. Скржинская обращает внимание еще на один аспект: «Марр, несомненно, является очень оригинальным стилистом, в ряде случаев изобличающим прекрасное знание и глубокое чувство русского языка; он располагал богатейшим запасом слов, прибегая к неожиданным и поражающим воображение образам и сравнениям» (Л. 18). «Хотелось бы, чтобы впредь Н. Я. Марр получил характеристику как выдающийся, хотя и весьма своеобразный стилист» (Л. 19). «Русский стиль речи Марра изумителен — он знал этот второй родной язык лучше многих русских по рождению», — замечает Е. Ч. Скржинская (Л. 20). Отец Н. Я. Марра, как известно, был шотландцем, мать — грузинкой, детство его прошло на Кавказе и первым его языком был грузинский.

Современный борец с Марром В. М. Алпатов следующим образом характеризует язык его работ: «Скорее мы имеем дело с камланием шамана, чем с научной статьей».⁹ На наш взгляд, невозможно отрицать яркую и необычную (как и все в нем) литературную одаренность Н. Я. Марра, но очень часто мысль его бывала выражена столь сложно, что понять ее почти невозможно, на что и намекала в деликатной форме Е. Ч. Скржинская. И вместе с тем Марр нередко поражает исключительными по глубине, проникновенности и изысканности замечаниями и образами. Вообще Е. Ч. Скржинская, как кажется, воспринимала личность и писания Н. Я. Марра в значительной степени эстетически. В 1945 г. на юбилее сотрудницы ИИМК М. А. Тихановой она вспомнила слова археолога А. А. Спицына об «орлиной мысли» Марра.¹⁰

Финал марровской эпопеи последовал через год с небольшим после составления рассматриваемой рецензии. 26 июня 1950 г. Е. Ч. Скржинская писала в Москву своей сестре Ирине Чеславовне: «Ты никак в своем письме не отозвалась на крупнейшее событие в области культуры —

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН, Зап.-европ. секция, ф. 14, оп. 1, д. 220.

на критику учения Марра в статье Сталина. Следила ли ты за дискуссией? Я была убеждена, что какой-то поворот против Марра будет — иначе не стали бы организовывать дискуссию. Но я не ожидала подобной статьи, с которой нельзя не согласиться, притом полностью, и столь жестких слов о Марре. В нашем Институте спешно установили приемник и все, кто был 20-го к 12 ч. дня, слушали чтение статьи в зале. Тут же были люди из Ин-та востоковедения. На меня, да, мне казалось, и на многих других впечатление было потрясающее. Вера Андр-на сидела с неподвижным убитым лицом. Событие, полное трагизма для нашего Института — создания Н. Я. А статья замечательная, умнейшая, глубоко убедительная. Только бы люди не сделали из нее грязного дела, не пустился — как бывает — кто-то на обратное подхалимство. Уже начинают спешно (!!) отречься от Марра — уже, уже. Бедный Николай Яковлевич».¹¹

Реакция Е. Ч. Скржинской на выступление Сталина по существу близка той, которая выражена в названии статьи филолога-классика старой школы акад. И. И. Толстого по этому же поводу: «Отрезвляющий голос разума».¹² И вместе с тем, как видим, Е. Ч. Скржинская не отрекается от Марра как человека и от своих симпатий к нему. Она сохранила их до конца жизни.

Мы не собираемся характеризовать здесь «дискуссию 1950 г.» в разных ее аспектах и тем более не претендуем на новое освещение огромной темы «Величие и падение Н. Я. Марра». Задачей настоящей заметки было донести мнение о Марре, этой «беззаконной комете в кругу расчисленных светил» академического мира, еще одного современника, независимого и неподкупного.

¹¹ Там же.

¹² Толстой И. И. Отрезвляющий голос разума // Изв. АН. Отд-ние литературы и языка. 1950. Вып. 1. С. 62—63.